

УДК 94(470.47)

ЖИВОТНОВОДСТВО КАЛМЫКИИ В ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ РЕГИОНА И ПЕРЕХОД НА ОСЕДЛОСТЬ КОЧЕВОГО НАСЕЛЕНИЯ В 1930-е гг.

Екатерина Николаевна Бадмаева

доктор исторических наук, доцент,

Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова,

Элиста, Российская Федерация

E-mail: en-badmaeva@yandex.ru

А н н о т а ц и я

Статья посвящена исследованию состояния животноводства Калмыкии и проблем оседания калмыцкого населения в 1930-е гг. В этот период, как известно, большевистское правительство стало ускоренно реализовывать процесс объединения единоличных крестьянских хозяйств в коллективные (колхозы и совхозы), а также переводить кочевников на оседлый образ жизни. В данном исследовании ставится задача проанализировать основные причины, приведшие к катастрофическому сокращению поголовья скота в Калмыкии в период сплошной коллективизации сельского хозяйства, выяснить, каким образом шло оседание калмыцкого народа и каковыми были последствия волюнтаристских решений советского правительства, направленных на изменение моделей аграрного производства, образа жизни кочевников: экономические для региона и социально-психологические для населения. Новизна работы заключается в том, что в ней с новых методологических позиций, с привлечением архивных материалов и опубликованных работ по проблематике исследования освещается произошедшая в указанные годы трансформация кочевого скотоводческого хозяйства, образа жизни калмыцкого населения. Актуальность и общественная потребность изучения исторического опыта развития животноводства региона в советские годы вызывается, прежде всего, тем, что данная отрасль сельского хозяйства по-прежнему является главнейшей отраслью сельского хозяйства и экономики Калмыкии. Смена форм собственности, привычного образа жизни кочевых народов негативным образом сказались на социальном и психологическом самочувствии кочевников, сохранении традиционных устоев, национальной самобытности и ментальности. Изучение трагедии российского, в том числе калмыцкого крестьянства в 1930-е гг., — актуальная задача современных историков. Важно учесть уроки прошлого, чтобы уверенно и безошибочно двигаться в настоящем и будущем.

Ключевые слова

Животноводство, Калмыкия, природно-климатические условия, кочевое, полукочевое и оседлое население.

UDC 94(470.47)

ANIMAL HUSBANDRY OF KALMYKIA IN THE NATURAL AND CLIMATIC CONDITIONS OF THE REGION AND THE TRANSITION TO SETTLEMENTITY OF THE NOMAD POPULATION IN THE 1930s

Ekaterina N. Badmaeva

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation
E-mail: en-badmaeva@yandex.ru

Annotation

The article is devoted to the study of the state of animal husbandry in Kalmykia and the problems of settling of the Kalmyk population in the 1930s. During this period, as is known, the Bolshevik government began to accelerate the process of uniting individual peasant farms into collective farms (collective farms and state farms), as well as transferring nomads to a sedentary lifestyle. In this study, the task is to analyze the main reasons that led to a catastrophic reduction in the number of livestock in Kalmykia during the period of continuous collectivization of agriculture, to find out how the Kalmyk people settled and what were the consequences of the voluntary decisions of the Soviet government aimed at changing the models of agricultural production, the way of life of nomads: economic for the region and socio-psychological for population. The novelty of the work lies in the fact that it highlights from new methodological positions, with the involvement of archival materials and published works on the problems of research.

Key words

Animal husbandry, Kalmykia, natural and climatic conditions, nomadic, semi-nomadic and sedentary population.

ВВЕДЕНИЕ

В основе комплексного хозяйства монгольских и тюркских племен и народов на раннем историческом этапе лежало кочевое пастбищное животноводство, которое долгие годы оставалось преобладающим хозяйственным занятием населения засушливых и полусухих местностей Азии и Европы, основой существования и жизненного благополучия кочевников. Параллельно монголы и тюрки также занимались охотой и собирательством, но для них эти занятия являлись подсобным делом, а добытая продукция обеспечивала им необходимое пропитание и одежду. Предки тюркских и монгольских народов прекрасно знали земледелие, но в более поздней истории оно не стало в ряд основных хозяйственных занятий кочевников Азии и Юга России. Номады вели комплексное хозяйство, сочетали скотоводство с земледелием. В этой связи можно согласиться с известным ученым Г. Е. Марковым, который в дискуссионной статье «Некоторые проблемы возникновения ранних этапов кочевничества в Азии» совершенно справедливо отметил: «Как известно, ни один хозяйственный тип, в том числе и кочевничество, никогда не существовал в чистом виде. Хозяйство всегда комплексно, но при этом одни виды деятельности занимают подчиненное положение, тогда как другие — составляют основные способы добывания средств к существованию. Они-то и определяют хозяйственный тип. Так, у кочевников на разных этапах их истории и в разных местах земледелие, ремесло, торговля, обмен, транспортировка караванов и т. п. играли то большую, то меньшую роль, но, и это следует подчеркнуть, основу их существования всегда составляло экстенсивное скотоводство» (1973: 101).

Именно «экстенсивное пастбищное кочевое скотоводство» определяло на протяжении длительного периода времени хозяйственный тип в прошлом кочевых народов — бурятов, тувинцев, калмыков, алтайцев, ногайцев и др. Таковой данная модель хозяйствования оставалась и в конце 1920-х гг. прошлого века, когда советское правительство провозгласило курс на сплошную коллективизацию сельского хозяйства. Одновременно власть начала интенсивный процесс перехода кочевников к оседлости, который должен был, по ее мнению, стать генератором социально-экономических преобразований в кочевой деревне. Во многих аридных территориях страны данный процесс шел особенно тяжело и сложно, так как кочевники привыкли к совершению вместе с домашними животными бесконечных перекочевов, где походная юрта служила им привычным домом. Психологически и морально кочевое население в целом не было готово к столь радикальным переменам в своей жизни, тем не менее, во многом волюнтаристские решения на самом верху были приняты, и местным властям ничего не оставалось, как их неукоснительно исполнять.

Актуальность статьи видится в обращении к исследованию развития скотоводческой отрасли Калмыкии в труднейший период становления крупного общественного животноводства в колхозах и совхозах в условиях набирающей силу и складывающейся административно-командной системы управления экономикой страны. Историческая наука еще не в полной мере изучила инициированный центральными властями ускоренный процесс массового оседания кочевнического калмыцкого населения, потребовавший значительных финансовых ресурсов и коренной

ломки психологии кочевников. Поэтому необходимость исследования указанных выше проблем подтверждает еще раз актуальность настоящей статьи. Новизна работы заключается в том, что в ней на основе новых архивных источников и опубликованных материалов сделана попытка более углубленно рассмотреть заявленную проблематику. Во-первых, каким образом в одной из животноводческих областей России — Калмыкии — проводилась сплошная коллективизация сельского хозяйства и как данная инициатива властей сказалась на развитии основной отрасли региона? Во-вторых, с какими трудностями и сложностями приходилось сталкиваться при реализации данного модернизационного проекта партийно-хозяйственным властям региона и в-третьих, каким образом результаты советского эксперимента по переходу вчерашних кочевников на оседлость сказались на социальном и хозяйственном самочувствии калмыцких крестьян, ведших в то время в большинстве своем частное индивидуальное хозяйство и кочевой образ жизни. Особое внимание в статье уделено изучению таких аспектов, как влияние советских аграрных новаций на развитие калмыцкого животноводства, колхозно-совхозного строя, калмыцкой деревни. В исследовании рассматривается система традиционного природопользования калмыков и ее трансформация под воздействием социалистической модернизации аграрного производства и кочевого образа жизни степняков.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В статье привлечены как опубликованные источники, так и архивные материалы, значимые труды советских и российских историков по социально-экономической проблематике. В критическом плане осмыслены исторические работы по аграрной истории Калмыкии советского периода. Методологической основой исследования стал принцип объективного освещения истории, позволивший рассматривать факты и исторические события в соответствии с конкретно-исторической обстановкой, в их взаимной связи. Применялись как общенаучные методы (анализ, синтез, обобщение, индукция, дедукция), так и ряд других подходов, включая междисциплинарный.

ОБСУЖДЕНИЕ

Изучение истории развития животноводства и оседания кочевого населения в Калмыкии в 1930-е гг. является актуальной проблемой отечественной историографии. Однако работ, конкретно посвященных исследованию данной проблематики в исторической науке, совсем немного. В этом ряду можно лишь указать на фундаментальный труд «История Калмыкии с древнейших времен и до наших дней», где во 2 томе исследуемая нами проблема рассматривается в общем контексте истории Калмыкии (2009). М. С. Горяев, В. Н. Авлиев (2015) анализируют хозяйственную деятельность калмыков во второй половине XVIII–первой половине XIX вв., что дает нам возможность проследить ее эволюцию в рассматриваемый нами период. Историю пастбищного природопользования в калмыцких степях исследует в своей статье В. В. Неронов (1998), где он выделяет шесть основных этапов развития пастбищных экосистем, дает краткую характеристику этапа развивающегося

колхозно-совхозного овцеводства (1931–1941 гг.). В статье «Номадное животноводство как основа системы жизнеобеспечения калмыцкого народа» Г. Э. Настинова на основе комплексного междисциплинарного подхода с использованием данных истории, этнографии, других областей гуманитарных и естественных наук показывает определяющую роль номадного животноводства в системе жизнеобеспечения калмыцкого народа (2019). Трансформацию традиционных кочевых обществ Прикаспийского региона в контексте социально-экономической политики советского государства в 1920–1930-е гг. рассмотрели Е. Н. Бадмаева, Э. У. Омакаева (2022). Особенности политики советского правительства в отношении насильственного оседания калмыков в 1930–1937 гг. проанализировала Ж. Т. Танатарова (2015). Непосредственно вопросов развития животноводства Калмыкии в 1930–1940-х гг. касается в своих работах Е. Н. Бадмаева (2010а, 2010б, 2019, 2022).

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Предки современных калмыков — ойраты — в эпоху «раннего кочевничества», как известно из исторических источников, активно занимались животноводством на огромных просторах Центральной Азии. Границы их кочевий часто менялись в результате многочисленных войн и территориальных конфликтов, устных договоренностей о пользовании пастбищами с соседями и т.д. Ойратов отличали высокая степень подвижности, об этом красноречиво говорит тот факт, что калмыки совершили в конце XVI–начале XVII вв. долгий по времени, длинный по протяженности, изнурительный и полный опасности переход со своими семьями и скотом из одного региона (Центральной Азии) в другой — европейскую часть России. Основная часть перекочевавших калмыков поселилась в низовьях Волги и вела кочевое скотоводческое хозяйство. Этот же хозяйственный тип был выбран терскими калмыками, тогда как преобладающая часть донских, уральских и оренбургских калмыков, проживавшая на более плодородных землях в других российских регионах, предпочла занятие земледелием и лишь незначительная часть — животноводство. Что касается самой Калмыцкой степи, то в отчете специалистов Поволжской колонизационно-мелиоративной экспедиции, обследовавших Калмыцкую степь в 1924–1926 гг., отмечалось: «для низменной ее части скотоводство являлось единственной отраслью хозяйства, для Ергеней — главною, но и в районах с преобладанием земледелия (Больше-Дербетовский) и рыболовство (Каспийское побережье) и скотоводство сохраняет все-таки видное значение» (ГА СО. Ф. Р-841. Оп.1. Д. 132. Л. 38, 38об, 39). Оно же продолжало оставаться основной хозяйственной отраслью Калмыцкой автономной области (с 1920 г.) и Калмыцкой автономной советской социалистической республики (с 1935 г.). Главную роль в сохранении калмыками традиционной отрасли и привычных способов ведения хозяйства сыграла сложившаяся веками психология кочевника. Н. Н. Крадин справедливо отмечает: «Психология номада отрицательно относилась к стационарности как к оскорбляющей самолюбие свободного странника. На этот шаг их могли вынудить только исключительные обстоятельства. Поэтому перешедшие к занятию земледелием кочевники считали свое состояние вынужденным и временным и при первой возможности переходили к кочеванию и занятию скотоводством» (1999: 198).

Развитие животноводства

Развитие животноводства в Калмыкии в первые три десятилетия XX в., как и на протяжении всего XIX в., отмечено как подъемами, так и спадами. Если в 1916 г. в Калмыцкой степи насчитывалось 80 тыс. лошадей; 16 тыс. верблюдов; 252 тыс. крупного рогатого скота; 551 тыс. овец и коз; а в 1920 г. в КАО — 10 тыс. лошадей; 5 тыс. верблюдов; 145 тыс. КРС; 217 тыс. мелкого рогатого скота, то в середине 1941 г. общее поголовье скота в Калмыцкой АССР составляло 1 738 367 гол.: КРС — 291 355, мелкого скота — 1 360 072, лошадей — 62 042, верблюдов — 5752 гол. (Максимов, 2007: 66).

Как видим, революционные события и годы гражданской войны, массовый бандитизм (в 1919-1921 гг.), страшная засуха и голодное бедствие 1921–1922 г. довели упадок степного скотоводства Калмыкии. В годы нэпа происходит значительное увеличение численности поголовья лошадей, верблюдов, крупного и мелкого рогатого скота, ежегодно примерно на 5 %. Численность крупного рогатого скота достигла к началу коллективизации сельского хозяйства цифры 302,3 тыс. гол. Поголовье овец увеличилось до 819 тыс., лошадей до 23 тысяч голов. В 1928–1929 гг. бедняцкие и середняцкие крестьянские хозяйства располагали больше половиной имеющегося в регионе скота (Бадмаева, 2010а: 68).

В целом по стране (в границах СССР до 17 сентября 1939 г.) поголовье скота в 1929 г. составляло: крупный рогатый скот — 58,2 млн, в том числе коровы — 29 млн, свиньи — 19,4 млн, овцы и козы — 107,1 млн, в том числе овцы — 97,4 млн. В основном поголовье содержалось в личных хозяйствах крестьян, а в колхозах и совхозах в 1932 г. всего находилось: крупного рогатого скота — 13,3 млн голов, свиней — 4 млн, овец — 16 млн. Естественно львиная доля животноводческой продукции производилась частными хозяевами (Страна Советов..., 1967: <https://istmat.org/node/16602>. Дата обращения: 26.06.2023).

В условиях единоличного мелкотоварного крестьянского хозяйства в стране был превышен дореволюционный уровень сельскохозяйственного производства, поэтому экономических предпосылок для решительной смены частной форм хозяйствования на коллективное владение средствами производства, не было. Несмотря на несомненные успехи, достигнутые индивидуальными крестьянскими хозяйствами, советское правительство приступило, как мы сказали выше, к реализации курса на коллективизацию сельского хозяйства. Основной причиной инициации данного социально-экономического эксперимента стала возникшая трудность с хлебо-заготовками в стране, для решения которой предполагалось коллективизировать частные хозяйства, занимавшиеся земледелием; данный процесс коснулся также и животноводческого направления сельскохозяйственной отрасли. Смена стратегического курса в хозяйственной политике страны означала отказ от дальнейшего развития рыночных механизмов и разумного планового воздействия на экономику. В 1930-е гг. животноводство по всей стране начинает приобретать колхозно-совхозные формы организации с крупными отарами овец, к примеру, в Калмыкии, они порой достигали тысячи голов и более. Выращивание скота в советском государстве перешло в основном к государственным совхозам и созданным наспех колхозам, куда насильно вгоняли сопротивляющихся индивидуальных хозяев и единоличников. Первые несколько лет коллективизации в КАО не дали ощутимых результатов в

сельскохозяйственном производстве. К 1931 г. поголовье скота в Калмыкии уменьшилось на 30–35 % или приблизительно в 1,6 раза в результате массового забоя животных крестьянами в знак протеста против принудительной коллективизации, против бескормицы зимой 1930 гг. и пр. (Максимов, 2004: 56)

В годы коллективизации традиционное скотоводческое хозяйство калмыков не претерпело особых изменений: степняки по-прежнему использовали старые формы экстенсивного скотоводства с отгонно-пастбищным содержанием скота, правда, кое-где применяли и стойловое содержание животных, если для этого были определенные возможности. Калмыки, как и до коллективизации, когда они сами были хозяевами-частниками, разводили уже при новой форме собственности мелкий рогатый скот — овец и коз, крупный рогатый скот и лошадей. В степных и полупустынных местах держали верблюдов. Эти животные, а также лошади использовались в качестве рабочего скота как тягловые, вьючные и для верховой езды. В одних колхозах и совхозах держали больше КРС, в основном, для получения мяса, молока, а также сала (жира), в других преобладало выращивание МРС, разводимого с той же целью, а также для получения шерсти, из которой делали войлок и другие материалы, шедшие на обустройство жилища — походных юрт, кибиток, на изготовление хозяйственного инвентаря. Из выделанных шкур степняки изготавливали кожаную посуду, а из овчин шили меховые одежды, плащи и пр., помогавшие им легче переносить тяготы кочевой жизни и природно-климатические катаклизмы. Правда, в ходе проведения индустриализации в стране в 1930-е гг. и ускоренного развития промышленности в Калмыкию стали больше завозить деревянную, чугунную и иную посуду, предметы хозяйственного и домашнего инвентаря, что помогло крестьянам хоть как-то обустроить свой непритязательный быт. Степняки, став членами колхозного и совхозного хозяйства, по-прежнему сохраняли подножное содержание мелкого рогатого скота, который выпасали на сезонных пастбищах, а также лошадей. Крупный рогатый скот пасся почти круглогодично на ближних выпасах, вокруг хотонов (поселений кочевников). Для содержания скота строили хозяйственные постройки, специальные загоны, летом — открытые, зимой — закрытые. Для крестьян на зимниках руководство коллективных хозяйств и госхозов возводили стационарное жилище, в основном из самана, иногда ставили срубные домики. Строились и производственные помещения, так, например, в Овцеводобъединении треста Калмовцеводтрест на 1 января 1932 г. числилось 5 саманных кошар вместимостью 6 тыс. голов скота, кошары-крыши — 33 штуки, тепляки для проведения окотной кампании овец — 3 шт., базы-навесы для овец — 25, базы открытые — 31. Кроме этих помещений, в указанном овцеводческом объединении имелись дойки для овец в количестве 5 штук, ветамбулатории — 1 шт., купки для овец — 2 штуки. Если на 01.01. 1932 г. было 112 сельскохозяйственных строений и сооружений, то на 01.01. 1933 г. их число достигло 128 (НА РК. Р-26. Оп. 1. Д. 252. Л. 52, 229).

Однако несмотря на наличие сельхозпомещений и строений животноводам приходилось кочевать вместе с овцами на отгонных пастбищах. Перекочевки совершались по несколько раз в году, в сроки, указанные колхозно-совхозным руководством. К слову, руководство обеспечивало переезд животноводческого хозяйства с одного места на другое, снабжало скотоводов необходимыми продуктами питания, хозяйственным инвентарем и пр.

Во время расплодной кампании овец в помощь овцеводам выделялись помощники — сакманщики из числа местных жителей, получавших за свою работу отдельное вознаграждение. Наиболее отличившихся скотоводов и сакманщиков по итогам расплодной кампании награждали натуроплатой, отрезами ткани и пр. Правда, в отдельных хозяйствах излишнее содержание сакманщиков на чабанских точках сказывалось на себестоимости произведенной животноводческой продукции. Так случилось в овцесовхозе № 10 «Сарпа». Дело в том, что по производственному плану совхоза в 1937 г. помощников–сакманщиков предполагалось содержать из расчета на 40 дней. Фактически же, в связи с неблагоприятными местными условиями они содержались по 2–3 чел. в каждой чабанской бригаде и помогали до конца отбивки ягнят. Излишнее пребывание и обеспечение довольствием сакманщиков объяснялись следующими обстоятельствами. Совхоз ощущал большую нужду в ежедневном водопое; существующие колодцы были очень маловодные, поэтому для того, чтобы напоить отару овец с ягнятами в 2 тыс. голов нужны были сакманщики, делящие отару на 2–3 части и пригоняющие овец небольшими шайками на водопой. Только сверхплановое денежное содержание этих помощников чабанов в указанном году обошлось совхозу в 11383 руб. Кроме того, дополнительных финансовых расходов требовало содержание учетчиков во время окота овец, так как чабаны в большинстве своем были малограмотными, совершенно не умели заполнять сведения об учете народившегося молодняка. Дополнительных финансовых расходов, лежащих на чабанскую бригаду, требовали стрижка и случка овец, заготовка кормов и т.д. Кроме того, необходимо было тратить средства на очистку колодцев, которые в связи с их мелководностью в течение всего знойного лета засорялись, и их приходилось по несколько раз очищать в весенне-летний период. Все произведенные затраты в конце года суммировались, и выводилась общая себестоимость произведенной продукции.

Большую помощь животноводам оказывали и ветеринарные работники, которых в Калмыкии в то время существенно не хватало. Они проводили профилактическое обследование и лечение животных, помогали скотоводам делать выбраковку слабых животных. Выбракванное поголовье в некоторых хозяйствах сгоняли в отдельную отару, давали ей усиленный уход с тем, чтобы довести животных до нужной весовой кондиции и упитанности, затем сдавали государству на мясо.

В засушливых и полузасушливых местностях Калмыкии постоянно не хватало кормов, только в тех хозяйствах, где параллельно развивалось земледелие, их руководство имело возможность из заготовленных кормов передать животноводам сено, солому, зерно и пр. Правление хозяйства и бригадиры, закрепленные непосредственно за каждым структурным подразделением колхоза или совхоза, отвечали за заготовку грубых кормов для общественных ферм. Но заготовленной на зиму кормовой базы зачастую не хватало, что приводило к массовой гибели животных.

В 1935 г. колхозное население Калмыкии составляло 105854 чел., из них мужчин — 52792, женщин — 53062 чел. Самыми крупными по численности колхозников были следующие улусы: Сарпинский — 29180 чел., Лаганский — 25788 чел. Число колхозов, товарных ферм, совхозов, кооперативов и др. в это время в регионе составляло 310 ед. Товарные фермы являлись важнейшими структурными подразделениями колхозов, так вот таковых в первом квартале указанного года было 35.

На товарных фермах всех колхозов, включая тозы, госхозы, единоличников, на июнь 1935 г. имелось овец и коз — 646800 гол., КРС — 215800 гол. В разрезе по улусам картина с обобществленным поголовьем скота была следующая. Обобществлено в Западном улусе — 5969 гол. КРС, 27362 гол. овец; в Сарпинском улусе — 11045 гол. КРС, 3505 гол. лошадей, 35461 гол. овец; в Центральном улусе — 2139 гол. лошадей; в Черноземельском улусе — 398 гол. лошадей, 2689 гол. КРС; в Приволжском улусе — 700 гол. лошадей, 3963 гол. КРС; в Долбанском улусе — 1698 гол. лошадей, 6846 гол. КРС; в Лаганском — 458 гол. лошадей, 2257 гол. КРС, 20424 гол. овец и 500 гол. коз, 23 гол. верблюдов (НА РК. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 279. Л. 3, 4, 7, 7 об., 8, 8 об., 9, 10, 10 об., 11, 17, 17 об., 18, 18 об., 19 об., 21, 21 об., 24, 25; Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 254. Л. 15).

Колхозы и совхозы содержали в овец разных пород, на 1 января 1935 г. в общественных отарах имелись породы: романовская, романовская метис, цигейская чистопородная, цигейский метис, рамбульская чистопородная, рамбульская метис, меринос чистопородный, меринос метис, калмыцкая чистопородная, калмыцкая метисы, каракульская чистопородная (НА РК. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 278. Л. 1, 20). Эти породы овец в результате многолетней и кропотливой селекционной работы скотоводов были хорошо адаптированы к природно-климатическим условиям Калмыкии.

Кочевые калмыки, как известно, были прирожденными лошадиниками. В годы коллективизации в Калмыкии придавалось большое значение развитию коневодства. Среди домашних животных лошади занимала особое место ввиду исключительной ее значимости в повседневной жизни кочевника. Лошади использовались для пастьбы скота, транспортировки хозяйственных грузов, охоты и пр. Каждый калмык, каждое скотоводческое хозяйство считали необходимым и важным иметь у себя сильных, выносливых, резвых лошадей, которыми гордились, трепетно любили и всячески лелеяли. В военных походах Российского государства калмыки выставляли крупные конные соединения в 40 и более тысяч всадников. В 1930-е гг. Калмыкия осуществляла периодические поставки лошадей в Красную Армию. Один только конесовхоз № 80 (директор Оголов Хазык) по состоянию на 20.07.1934 г. имел: производителей-жеребцов — 29 гол., племенных маток — 679 гол., молодняка 1932, 1933, 1934 г. р. соответственно 90, 150, 285 гол., рабочих лошадей — 42 гол. Лошади требуют постоянного ухода, они подвержены всяческим болезням, весьма травматичны. По этим причинам в указанном конесовхозе за полгода 1934 г. пало 2 племяжеребца, 18 племматок, 17 жеребят молодняка 1933–1934 г.р. Директор конесовхоза за недостаточное внимание к созданию благоприятных условий для скота, допущенный падеж лошадей, другого животноводческого поголовья был привлечен к суровому административному наказанию и был снят с работы. В данном конесовхозе содержались, кроме лошадей и верблюдов, такие экзотичные для современной Калмыкии животные, как мулы и ослы. На ведение коневодства, верблюдоводства, муловодства и ословодства хозяйством за 1937 г. было израсходовано 720 ц. концентратов, сена разного — 1120 ц. На 1 января 1938 г. в регионе насчитывалось в целом 40428 гол. лошадей, в т. ч. рабочих — 18614 (НА РК. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 336. Л. 1). К середине 1941 г. колхозно-совхозное коневодство Калмыкии, единоличники содержали 62042 гол. лошадей (Бадмаева, 2010а: 69).

В развитии животноводческой отрасли Калмыкии, наряду с колхозами, принимали непосредственное участие немногочисленные на тот период государственные совхозы, входившие в систему Наркомсовхозов. Среднесписочная численность всех рабочих госхозов региона в 1939 г. составляла 1570 чел. Общего поголовья КРС на 1 января 1937 г. в совхозах числилось 4599 гол., из них 1225 коров, 1515 рабочих волов. Поголовье овец на 01.01. 1937 г. составило 94289 гол, в том числе 28135 маток. Лошадей числилось 550 гол. В 1939 г. совхозы сдали государству скота и мяса: в натуральном виде — 7768 ц., в зачетном весе — 7867 ц., шерсти — 4989 ц., в зачетном весе — 5233 ц. Концентратов на содержание крупного рогатого скота было потрачено 29842 ц., силоса — 12 ц., сена — 13675 ц., соломы — 4475 ц. (НА РК. Ф. Р-26. Оп.1. Д. 290. Л. 79, 83, 85, 91, 92, 92 об).

Переход на оседлость

Особенностью коллективизации в Калмыкии было и то, что она совпала с переводом калмыцкого населения от кочевого и полукочевого хозяйствования на оседлость. Надо сказать, что для части калмыцкого населения данное новшество было не неожиданным. Например, для кочевых калмыков Больше-Дербетовского улуса, некоторые представители которых начали заниматься земледелием, где-то с начала 1870-х гг. стали переходить на оседлый образ жизни, обзаводиться стационарными постройками, даже распространили у себя поливное земледелие. Культивировали у себя растениеводство и калмыки, жившие в других российских регионах. В 1920-е гг. практически все они планоно, по решению советского правительства, стали переезжать в Калмыцкую автономную область. Однако работа по оседанию данного контингента калмыков из других российских регионов в самой области велась без должной подготовки, учета их интересов, специально отведенных мест для выпаса, водопоя скота и сенокошения. Вначале данному контингенту предоставляли финансовые средства на переезд и обустройство, но с 1925 по 1932 гг. специального финансирования не было. Тем не менее несколько раз на высшем уровне составлялись комплексные планы перехода на оседлость всего кочевого и полукочевого населения, а именно: 1) В 1928 г. при составлении плана 1-й пятилетки, 5-летний план; 2) В 1931 г. — на основании решения СНК от 30 марта 1931 г. с суммой затрат в 17216 тыс. руб., из которых на сельское хозяйство и жилищное строительство — 11409 тыс. руб. (3-летний план); 3) в плане 1932 г. с участием представителя НКЗ РСФСР; 4) в 1932 г. при составлении плана 2-й пятилетки (НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1285. Л. 15).

Именно за счет прибывших поселенцев и старожильческого населения в Калмыкии в 1920-1930-е гг. шел активный процесс обоседления. В одном из документов того времени об активном процессе перехода на оседлость в КАО данные об этом систематизированы в виде таблицы:

Таблица

Темпы перехода на оседлость (НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 667. Л. 304)

Наименование аймаков	Годы перехода на оседлое жительство								
	1920		1921		1922		1923		1924
	двор	душ	двор	душ	двор	душ	двор	душ	двор
Яндыко-Мочажный, Багутовский	80	303	70	228	120	437	310	1055	771

Багацохуровский	245	803	30	73	91	305	294	972	640
Долбанский	—	—	50	130	270	619	570	1370	1064
Харахусовский	—	—	102	311	23	75	412	1580	739
Ики-Багутовский	40	100	328	937	228	872	361	1562	1010
Багацатановский	—	—	—	—	40	194	60	271	315
Багутовский	—	—	—	—	—	—	—	—	940
Итого	365	1166	580	1679	782	2503	2007	6810	5479

Из приведенной таблицы видим, что переход на оседлый образ жизни начался с 1922 г. Это объясняется тем, что именно с 1922 г. происходит медленный подъем в развитии животноводства и в целом в сельском хозяйстве области.

Калмыкии лишь с 1932 по 1934 г. на строительство домов для оседлого населения было выделено 578,4 тыс. руб. Только в Овцеводобъединении треста Калмовцевод-трест в 1932 г. было построено 8 каменных, 15 деревянных, 10 саманных домов, 94 землянки. В населенных пунктах объединения функционировали 4 столовые, 2 клуба, 2 школы, 7 пекарен, 10 бани-прачечные, 1 телефонная линия. В 1932-1933 гг. в поселениях, где из-за сложных природно-климатических условий территорий проживания ощущался серьезный недостаток питьевой воды и воды для поения скота, были вырыты 243 шахтных колодца, 335 прудов. Возведенные практически с нуля новые сельские поселения с социокультурными объектами являли собой наглядный пример для кочевников преимуществ нового колхозного строя.

К 1932 г. 56 % в прошлом кочевых калмыцких хозяйств уже стали вести оседлый образ жизни. Такой позитивный результат был получен благодаря целенаправленной работе партийных, советских органов КАО по приобщению кочевых калмыков к оседлости.

Таблица

**Данные о численности кочевого и полукочевого населения
по числу хозяйств в 1932 г. в сравнении с 1924 г.**

Улусы	1924 г.		1932 г.	
	Число кочевых и полукочевых хозяйств	% к общему числу калмыцких хозяйств	Число кочевых и полукочевых хозяйств	% к общему числу калмыцких хозяйств
Центральный	4540	70,5 %	3266	49,1 %
Сарпинский	4050	55 %	3654	48,5 %
Лаганский	3970	39 %	2556	25,2 %
Приволжский	2850	74,0 %	2965	72,6 %
По области	15410	66,4 %	12443	43,7 %
Всего калмыцких хозяйств по области	23222	100 %	28360	100 %

Из 12443 хозяйств Калмыкии по учету 1932 г. кочевых хозяйств было 4219, их в разработанном плане оседания с участием представителя НКЗ РСФСР предполагалось перевести на оседлость в течение 4-х лет с общей суммой капиталовложений

по всему комплексу мероприятий в размере 15421 руб. Полукочевых в регионе насчитывалось 8233 хозяйства. В 1932 г. строительство в КАО практически не проводилось, так как не было отпущено фондируемых стройматериалов (леса), только в октябре 1932 г. был закуплен аварийный лес под Сталинградом в расстоянии до 400 км. от точек оседания В 1933 и 1934 гг. жилстроительство было произведено в 2-х точках оседания Центрального улуса и 1-й точке оседания в Черноземельском улусе. Построено 67 жилдомов, из них четырехквартирных — 10 домов, двухквартирных — 51, одноквартирных — 4 и два перевезенных в готовом виде. В них в основном поселились вчерашние кочевники из трех близлежащих колхозов, а также специалисты разного рода трудовой деятельности. До 1934 г. изготовление строительных деталей для Калмыкии производилось в Сталинградской области. С 1934 г. распиловка леса, изготовление стандартных частей и деревянных срубов для шахтных колодцев стали производиться в поселке Кануково, вблизи г. Астрахани. В ближайшем Долбанском улусе строительство жилдомов велось не только за счет привезенных извне региона стройматериалов, но и за счет местного строительного материала — камыша. Были построены 6 шахтных колодца и 3 плотины (дамбы). На землеустройство кочевого и полукочевого населения калмыцкого Прикаспия в 1934 и 1935 гг. израсходовано 55 тыс. руб. В Приволжском улусе начаты гидротехнические изыскания по пропуску водных ресурсов реки Волга в систему обсохших Бешкульских озер, районы которых для оседания кочевников этого улуса Калмыкии являются почти единственным местом. Планом мероприятий по оседанию на 1936 г. предусматривался переход на оседлость 300 хозяйств в планируемые к строительству 2-х поселков Белоозерновского сельсовета, по одному поселку Цекертинского, Центрального сельсоветов Долбанского улуса, а в Приволжском улусе — 1 поселок Ниинцанского с/с. (НА РК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 1923. Л. 6, 7, 8, 9, 10)

Общественно-политическую ситуацию в Калмыкии в 1930-е гг. осложняла не только коренная трансформация традиционного сельского хозяйства в регионе, сопровождавшаяся изменением форм собственности, отменой рыночных отношений, переходом кочевого калмыцкого населения к оседлому образу жизни, но и проведенное властями региона массовое раскулачивание крестьянства. За период с 1929 по 1934 гг. в автономной области, по неполным данным, было раскулачено 2195 крестьянских семей (почти 14 тыс. человек), из них 1821 выселена за пределы области, остальные раскулаченные хозяйства были разорены и переселены в другие районы Калмыкии (НА РК. Ф. Р-3. Оп. 10. Д. 157. Л. 36; Д. 159. Л. 1, 2, 3). Этой непродуманной, варварской акцией власти лишили колхозы наиболее дееспособной, инициативной, трудоспособной части калмыцкого крестьянства, а бедняцкие и середняцкие слои крестьянского населения спустя рукава трудились в новообразованных коллективных объединениях, что выразилось, кроме всего прочего, в резком сокращении поголовья скота в регионе. Многие из вступивших в колхозы крестьян стали выходить из них, желая самостоятельно вести частные хозяйства. Одновременно с обострением классовой борьбы, нарастанием социального недовольства крестьянства произошла радикальная ломка системы традиционного природопользования в Калмыкии. Ее особенностью были осуществление земельной реформы, насаждение земледелия даже в тех улусах, территория которых по почвенно-климатическим условиям не подходила для выращивания зерновых. Тем не менее посевные площади в регионе были увеличены более чем в 2 раза, естественно, на таких землях

земледельцы не могли получать достаточный урожай зерновых. Основным экологическим последствием перевода кочевников на оседлость явилось уменьшение скотоводческих выгонов за счет расширения пахотных земель, что привело к увеличению нагрузки и перевыпасу скота на пастбищах, в конечном итоге к сокращению и, прежде всего, деградации пастбищных угодий в регионе, последствия этого заметно сказываются на развитии животноводческой отрасли современной Калмыкии. В тридцатые годы прошлого столетия, впрочем, как и раньше, так и в сегодня, ряд негативных тенденций, возникших в скотоводческой отрасли коллективизированных и государственных хозяйств региона, обуславливается сложными природно-климатическими условиями территории, главным образом малым количеством осадков, выпадающих в весенне-летний период в тот или иной год в засушливых и полузасушливых зонах Калмыкии. Вследствие нехватки влаги в почве происходит выгорание растительности, приводящее к слабому пастбищному травостою, частому повторению «зудов» (бескормице), массовому падежу общественного скота. Все указанные выше причины, безусловно, притормозили поступательное развитие животноводства Калмыкии в 1930-е гг.

Ускоренная коллективизация сельского хозяйства и процесс оседания кочевogo населения в Калмыкии закончились практически одновременно — приблизительно к 1940 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей статье мы рассмотрели этап развивающегося колхозно-совхозного животноводства Калмыкии (1931–1941 гг.). За период коллективизации произошли важные изменения в основе развития животноводства. Если до 1930-х гг. развитие животноводческой отрасли Калмыкии шло на базе единоличного крестьянского хозяйства, то с начала социалистической реконструкции деревни в значительной мере стало развиваться крупное общественное животноводство в коллективных и государственных хозяйствах. В кратчайший срок была создана широкая сеть колхозных товарных ферм и животноводческих совхозов, ставших в 1930-е гг. основной формой развития общественного животноводства. Пагубную роль для развития животноводства региона сыграло усилившееся в этот период земледельческое освоение калмыцких степей, приведшее к сокращению скотоводческих пастбищ. Негативным фактором явилось проведенное в регионе массовое раскулачивание, трагическим итогом которого стало уничтожение наиболее дееспособной, инициативной части калмыцкого крестьянства, болезненно сказавшееся на развитии общественного животноводства. К 1937 г. колхозный строй в Калмыкии юридически оформился в основных своих чертах: уровень коллективизации достиг 93 %. В процессе социалистической реконструкции сельского хозяйства страны животноводство региона почти полностью приобрело коллективные формы хозяйствования с крупными отарами овец. Совхозная система не так активно развивалась в регионе, тем не менее на организацию животноводческих совхозов в указанные годы советское государство направляло значительные финансовые средства, которые в тот период не всегда эффективно осваивались. В исследовании на основе углубленного анализа годовых отчетов колхозов и совхозов прослежена динамика

развития колхозно-совхозного животноводства региона, выявлены причины и недостатки, по которым «буксовала» навязанная государством коллективная и государственная система хозяйствования. Отрицательное воздействие на весь процесс развития животноводческой отрасли сельскохозяйственного производства в Калмыкии в рассматриваемой период оказала сложившаяся административно-командная система управления и хозяйствования в стране, лишившая крестьян инициативности и предприимчивости, способствовавшая превращению их в послушных, безвольных исполнителей партийно-государственных решений. Игнорирование объективных экономических законов, форсированное осуществление всех сторон жизни и деятельности колхозно-совхозной системы, нарушение принципа материальной заинтересованности сельского труженика негативным образом сказались на общем уровне развития животноводства во всех категориях хозяйств в Калмыкии. Коренная ломка существовавшей системы традиционного аграрного природопользования, ставшая итогом поголовной принудительной коллективизации, надолго задержала поступательное развитие калмыцкого животноводства. Плачевным результатом коллективизации стал голод 1933 г., унесший жизни, по нашим подсчетам, 14446 граждан Калмыкии (Бадмаева, 2010б: 438). Переход калмыков с кочевого образа жизни на оседлый, непродуманное использование под земледелие пастбищных земель, привели к их сокращению и деградации. Была утрачена культура перекочевков, последствия разрушения которой отрицательным образом сказались на дальнейшем развитии пастбищного животноводства в регионе. Тем не менее, массовый переход к оседлости в Калмыкии состоялся, он сопровождался огромными трудностями в координации предпринимаемых действий, в том числе, в снабжении вчерашних кочевников продовольственными и промышленными товарами. Положительным итогом проведения политики седентаризации калмыков в 1920–1930-е гг., при всех ее недостатках, можно считать более активное участие населения в решении социально-экономических проблем региона.

Коллективизация сельского хозяйства в стране по времени была синхронизирована с развертыванием процесса оседания кочевых народов. И закончились они в Калмыкии практически одновременно — приблизительно к 1940 г. Власть добилась своей главной задачи по окончательному устранению кочевой экономики и кочевого образа жизни в регионе в 1930-е гг.

Благодарности

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-18-00313 «Трансформация кочевых обществ Юга России в контексте природно-климатических факторов (XIX — середина XX в.)» (<https://rscf.ru/project/22-18-00313/>).

Acknowledgments

The work was supported by the Russian Science Foundation, Project № 22-18-00313 “Transformation of nomadic societies of the South of Russia in the context of natural and factors (XIX — mid XX centuries)” (<https://rscf.ru/project/22-18-00313/>).

Литература

- Бадмаева, Е. Н. (2010а). Вопросы развития животноводства Калмыкии в 1930 — 1940-х гг. *Oriental Studies*. 3(1). 67–70.
- Бадмаева, Е. Н. (2010б). *Нижнее Поволжье. Опыт и итоги реализации государственной политики в социально-экономической сфере (1921–1933 гг.)* Элиста: ЗАО «НПП» Джангар».
- Бадмаева, Е. Н. (2019). Животноводство Калмыкии в историческом и современном контексте. Сборник трудов конференции. *Социально-экономические и экологические аспекты развития Прикаспийского региона*. Материалы Международной научно-практической конференции Элиста: Издательство: Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова. 106–109.
- Бадмаева, Е. Н., Омакаева, Э. У. (2021). Трансформация традиционных кочевых обществ Прикаспийского региона в контексте социально-экономической политики советского государства в 1920-1930-е гг.: современное состояние. «*Nomadic civilization: historical research*» (*Кочевая цивилизация: исторические исследования*). 1(3). 65–78.
- Бадмаева, Е. Н., Эрднеева, Б. А. (2022). Природно-климатические условия территории и земледелие в Калмыкии (1917–1925). *Genesis: исторические исследования*. 9. 111–122.
- Государственный архив Саратовской области (ГА СО). Ф. Р-841. Оп. 1. Д. 132. Л. 38, 38об, 39.
- Горяев, М. С. Авлиев, В. Н. (2015). Хозяйственная деятельность населения Калмыцкой Степи (вторая половина XVIII–первая половина XIX века). Сетевое издание. *Современные проблемы науки и образования*. 2 (1). URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20946> (дата обращения: 02.08.2023).
- История Калмыкии с древнейших времен и до наших дней* (2009). В 3-х тт. 2. Элиста: ГУ Издательский дом «Герел».
- Крадин, Н. Н. (1999). Трансформация политической системы от вожества к государству: монгольский пример, 1180–1206. *Альтернативные пути к ранней государственности*. Отв. ред. Н. Н. Крадин и В. А. Лыиша. Владивосток. 188–198.
- Максимов, К. Н. (2004). *Трагедия народа. Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е годы*. М.: Наука.
- Максимов, К.Н. (2007). *Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки*. М.: Наука.
- Марков, Г. Е. (1973). Некоторые проблемы возникновения ранних этапов кочевничества в Азии. *Советская этнография*. 1. 101–113.
- Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 252. Л. 52, 229).
- НА РК. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 278. Л. 1, 20.
- НА РК. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 279. 3, 4, 7, 7 об, 8, 8 об, 9, 10, 10 об. 11, 17, 17 об, 18, 18 об, 19об, 21, 21 об, 24, 25
- НА РК. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 254. Л. 15.
- НА РК. Ф. Р-26. Оп.1. Д. 336. Л. 1.
- НА РК. Ф. Р-26. Оп.1. Д. 290. 79, 83, 85, 91, 92, 92 об.
- НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 667. Л. 304.
- НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1285. Л. 15.
- НА РК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д.1923. Л.6, 7, 8, 9, 10.
- НА РК. Ф. Р-3. Оп. 10. Д. 157. Л. 36.
- НА РК. Ф. Р-3. Оп. 10. Д. 159. Л. 1, 2, 3.
- Настинова, Г. Э. (2019). Номадное животноводство как основа системы жизнеобеспечения калмыцкого народа. *Вестник Калмыцкого университета*. 4(44). 55–62.

Неронов, В. В. (1998). Об истории пастбищного природопользования в калмыцких степях. *Степной бюллетень*. 2. 58–59.

Страна Советов за 50 лет. (1967). Сборник статистических материалов. Москва: «Статистика». <https://istmat.org/node/16602>. Дата обращения 26.06.2023

Танатарова, Ж. Т. (2015). Особенности политики советского правительства в отношении насильственного оседания калмыков в 1930–1937 гг. *Международный журнал экспериментального образования*. 11 (2). 297–299.

References

Badmaeva, E. N. (2010a). Issues of development of livestock farming in Kalmykia in the 1930s–1940s. *Oriental Studies*. 3(1). 67–70 (in Russian).

Badmaeva, E. N. (2010b). *Lower Volga region. Experience and results of the implementation of state policy in the socio-economic sphere (1921–1933)*. Elista: Dzhangar (in Russian).

Badmaeva, E. N. (2019). Livestock farming in Kalmykia in historical and modern context. *Collection of conference proceedings. Socio-economic and environmental aspects of the development of the Caspian region*. Materials of the Elista International Scientific and Practical Conference: Publisher: Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov. 106–109 (in Russian).

Badmaeva, E. N., Omakaeva, E. U. (2021). Transformation of traditional nomadic societies of the Caspian region in the context of the socio-economic policy of the Soviet state in the 1920–1930s: current state. *Nomadic civilization: historical research*. 1(3). 65–78 (in Russian).

Badmaeva, E. N., Erdneeva, B. A. (2022). Natural and climatic conditions of the territory and agriculture in Kalmykia (1917–1925). *Genesis: historical studies*. 9. 111–122 (in Russian).

Country of Soviets for 50 years (1967). Collection of statistical materials. Moscow: “Statistics”. <https://istmat.org/node/16602>. Access date 06/26/2023 (in Russian)

Goryaev, M. S. Avliev, V. N. (2015). Economic activity of the population of the Kalmyk Steppe (second half of the 18th — first half of the 19th century). Online publication. *Modern problems of science and education*. 2 (1). URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20946> (access date: 08/02/2023) (in Russian).

History of Kalmykia from ancient times to the present day (2009). In 3 vols. 2. Elista: State Publishing House “Gerel” (in Russian).

Kradin, N. N. (1999). Transformation of the political system from chiefdom to state: the Mongol example, 1180–1206. *Alternative paths to early statehood*. Rep. ed. N. N. Kradin and V. A. Lyisha. Vladivostok. 188–198 (in Russian).

Maksimov, K. N. (2004). *The tragedy of the people. Repressions in Kalmykia. 1918–1940s*. M.: Nauka (in Russian).

Maksimov, K. N. (2007). *The Great Patriotic War: Kalmykia and Kalmyks*. M.: Nauka (in Russian).

Markov, G. E. (1973). Some problems of the emergence of the early stages of nomadism in Asia. *Soviet ethnography*. 1. 101–113 (in Russian).

National Archives of the Republic of Kalmykia (NA RK). F. R-26. Op. 1. D. 252. L. 52, 229).

NA RK. F. R-26. Op. 1. D. 278. L. 1, 20.

NA RK. F. R-26. Op. 1. D. 279. 3, 4, 7, 7 revs, 8, 8 revs, 9, 10, 10 revs. 11, 17, 17 rev, 18, 18 rev, 19 rev, 21, 21 rev, 24, 25

NA RK. F. R-26. Op. 1. D. 254. L. 15.

NA RK. F. R-26. Op.1. D. 336. L. 1.

NA RK. F. R-26. Op.1. D. 290. 79, 83, 85, 91, 92, 92 vol.

NA RK. F. R-3. Op. 2. D. 667. L. 304.

NA RK. F. R-3. Op. 2. D. 1285. L. 15.

NA RK. F. R-30. Op. 2. D. 1923. L.6, 7, 8, 9, 10.

NA RK. F. R-3. Op. 10. D. 157. L. 36.

NA RK. F. R-3. Op. 10. D. 159. L. 1, 2, 3.

Nastinova, G. E. (2019). Nomadic livestock farming as the basis of the life support system of the Kalmyk people. *Bulletin of Kalmyk University*. 4(44). 55–62 (in Russian).

Neronov, V. V. (1998). On the history of pasture nature management in the Kalmyk steppes. *Steppe Bulletin*. 2. 58–59 (in Russian).

State Archives of the Saratov Region (*GA SO*). F. R-841. Op. 1. D. 132. L. 38, 38ob, 39.

Tanatarova, Zh. T. (2015). Features of the Soviet government's policy regarding the forced settlement of Kalmyks in 1930–1937. *International Journal of Experiential Education*. 11(2). 297–299 (in Russian).